

Российская власть и общество: взгляд историков

*В.П.Данилов,
доктор исторических наук,
Интерцентр*

Российская власть в XX веке Вступительное слово

*"Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?"
Борис Пастернак*

Когда в октябре 1999 г. оргкомитет симпозиума принял решение посвятить очередную сессию теме "Власть, общество и личность" и меня спросили о возможности участия историков, я ответил: «Конечно. Мы постараемся, наконец, для себя и для других ответить на вопрос о том, в чем состояла ошибка Василия Осиповича Ключевского. Известно, что крупнейший историк России, выходя из храма, где проводилась коронация Николая II, сказал своим спутникам: "Попомните мое слово: это последний царь России". Мы знаем, что он ошибся — формально последним царем России действительно был Николай II, но фактически царское всевластие, царскую манеру поведения, царское самомнение обнаружили и некоторые из последующих правителей России, независимо от наименования занимаемого ими поста — генсек или президент».

В недавно опубликованном интервью академик Б.В.Раушенбах назвал трех царей после Николая II — И.В.Сталина, Н.С.Хрущева и Б.Н.Ельцина. Но и независимо от того, называть ли И.В.Сталина, Н.С.Хрущева, Б.Н.Ельцина и кого-то еще царями или не называть — всевластие фигуры, оказавшейся на вершине российской государственной пирамиды, является общепризнанным фактом. По мнению Б.В.Раушенбаха, дело в том, что "у власти в России всегда были плохие люди"¹. Высказанное на исходе 1999 г., это суждение

¹ См.: Раушенбах Б.В. У нас власть плохих людей // Мир за неделю. 1999. № 17. 18-25 декабря. С. 8.

воспринималось как констатация факта, выражало общественное мнение. На выборах в Государственную Думу 19 декабря 1999 г. и выборах Президента РФ 26 марта 2000 г. ни одно политическое движение не намекало ни на монархические, ни на диктаторские устремления. Однако в прессе уже наметилась агитация и пропаганда установления в России личной власти главным образом в форме монархии, даже самодержавия.

Чтобы понять и оценить характер и значение новой агитационной кампании, обратимся к материалам "Независимой газеты", поскольку, во-первых, в ней представлены либерально-демократические взгляды умеренного толка и, во-вторых, в 2000 г. царистская тема на ее страницах стала неожиданно постоянной. Прямым обоснованием постановки названной темы на страницах газеты явилась статья главного редактора В.Т.Третьякова об управляемой демократии¹, как способе сохранения на какое-то время каких-то демократических форм (или хотя бы их видимости) при фактически недемократическом режиме власти. Конечно, управляемая демократия — нонсенс и истории она неизвестна, но отчего не предположить, что новоявленный царь или диктатор сталинского или пиночетовского типа не станет творцом и гарантом свободы и демократии? Правда, в истории России уже был случай, когда к императрице Екатерине II обращались с подобными идеями великие просветители: "Мадам, при Вас на диво / Порядок расцветет, / — Писали ей учтиво / Вольтер и Дидерот, / — Лишь надобно народу, / Которому Вы мать, / Скорее дать свободу, / Скорей свободу дать!.." Императрица, как известно, сочла это предложение преждевременным. Однако с тех пор прошло уже более 200 лет, и новый властитель, быть может, не станет откладывать переход к демократии на столь долгий срок. Кто знает?

Итак, в январе—марте 2000 г. — ровно через 83 года после падения царского самодержавия и утверждения республиканского строя — демократическая пресса начала проповедь царизма как единственного средства спасения России:

"Как и последний русский царь, Ельцин отрекся от престола, но он... передал власть тому, кто сильнее его"²;

"Россия выстрадала самодержца", и поэтому В.В.Путину предстоит "призвать царя или самому стать царем"³;

Ельцинское правление — "эпоха разочарований: разочарования в демократии... в свободе... в цивилизации... в России... в будущем". "Действительная альтернатива" состоит в том, чтобы "...подморозить Россию", т.е. "придать стране четкую государственную

¹ Независимая газета. 2000. 13 янв.

² Там же. 1 февр.

³ Там же. 9 февр.

форму, политическую и идеологическую идентичность... Для этого нужна выразительная силовая политика..."¹;

"В нашем обществе нет граждан — есть лишь подданные. И это в равной мере характеризует и население, и представителей нового властного клана, поспешившего выстроиться в очередь к новому монарху. Холоп в России — больше, чем холоп"²;

"...Мы заглядываем в монархическую перспективу, историческое возрождение (!) которой, возможно, окажется делом не отдаленного будущего, а ближайшего десятилетия" (!)³;

"Осуществление громких дел... Трудно предположить с точностью, что это будет конкретно. В чей адрес будет направлен гром — отдельных олигархов или целых отраслей, промышленных или информационных..? Ясно одно, что власть должна ярко и зрелищно (как на процессах 1936-1938 гг.? — *В.Д.*) продемонстрировать свою абсолютность... Психологическая легитимность (!) в этом случае достигается старым казацким (или, что то же, сталинско-пиночетовским — *В.Д.*) способом — кто сильнее, тот и царь"⁴;

"Мы возвращаемся на круги своя. Самодержавие и борьба с ним как извечная форма существования России». На соперничестве силы власти и силы духа всегда стояло и стоять будет величие России"⁵. И так далее...

Как видим, главный, даже единственный аргумент — так было, так будет. Независимо от оттенков авторского отношения к монархии (величие России или холопство) высказывания о перспективах государства российского на страницах "Независимой газеты" начала 2000 г. однозначно царистские, даже самодержавные, т.е. исключаяющие конституционность и парламентаризм, если, разумеется, не говорить об "управляемой демократии". Ни одного выступления в защиту республиканской организации государства! Известно, что именно республика наиболее отвечает демократическим принципам, их сути: "Государственная власть исходит от народа, осуществляется народом и в интересах народа" (Авраам Линкольн). Странно звучат заявления о разочаровании в демократии и даже свободе после ельцинского президентства. Разочаровались в том, чего не было! В политической системе России после расстрела парламента 3-4 октября 1993 г. нет ничего общего с демократией. Ликвидация Верховного Совета РФ и установление президентско-думской организации государственной власти открывали путь не к "подлинной демократии", как кричали тогда СМИ, а к установлению авторитарного режима. Самовластие Ельцина, с такой охотой примеряв-

¹ Независимая газета. 2000. 15 марта.

² Там же.

³ Там же. 16 марта.

⁴ Там же. 23 марта.

⁵ Там же. 7 апр.

шего царскую корону, не оформилось в самодержавие лишь по причинам физиологического порядка — подвело здоровье, невыдержавшее злоупотребления спиртным.

И ныне, читая цитируемые выше публикации, не могу отогнать мысль о том, что они появились бы и в 1994-1996 гг., начни вдруг Ельцин восшествие на престол. Ведь и тогда о нем было известно все то, о чем стали писать теперь: "Бездействие, лень, бессовестные махинации, злоупотребления властью"¹.

Какие бы формы ни приняла организация власти в России, агитпроповская кампания за возрождение самодержавия останется одной из самых постыдных в истории российской публицистики. Пожалуй, она является одним из свидетельств начавшегося и у нас возвращения к средневековью.

В приведенных высказываниях о желательной, даже необходимой эволюции государственной власти есть еще один момент, который нельзя обойти вниманием, — репрессии. В разоренной, разворванной и обнищавшей стране неизбежно нарастание общественных требований о привлечении виновных к судебной ответственности со всеми законными последствиями — уголовными и политическими. Естественно, что в связи с этим прежде всего называют олигархов, хотя главный из них — Б.Ельцин освобожден от уголовной и политической ответственности в качестве платы за уход с президентского поста. С привлечением к судебной ответственности виновных в разорении страны, в развале экономики и культуры, образования и здравоохранения, в обнищании и вымирании населения справится именно сильная республиканская власть, а отнюдь не царская, для которой немало значат личные отношения. Однако в любом случае речь должна идти не об осуществлении "громких дел", проводимых абсолютной властью "ярко и зрелищно..." Мы это уже проходили в годы сталинских репрессий. Об этом приходится вспоминать и в связи с потрясающим пожеланием одного из цитированных политологов "придать стране четкую... политическую и идеологическую идентичность" посредством "выразительной силовой политики..." Подобных требований не содержал и сталинизм.

Как видим, развитие событий в первые месяцы нынешнего года придало теме нашего симпозиума особую актуальность, усилив значение исторического опыта в понимании отношений власти, общества и личности на современном этапе. И уже не только понимание "ошибки" В.О.Ключевского, но и идеологические баталии наших дней, неожиданно (для меня) переросшие в некий монархический агитпроп, требуют обращения к истории российской власти в XX в. Мы начинаем с ее архетипов, унаследованных от прошлого, и проявляющихся в самых неожиданных обстоятельствах конца этого

¹ Независимая газета. 2000. 15 марта.

злосчастного века. Важные моменты государственной эволюции в начале века связаны с именами Витте и Столыпина, сделавших все для сохранения самодержавной монархии, давно уже изжившей себя. Особый интерес представляет тема "Ленин и власть", в частности в связи с характерным для нынешней либеральной публицистики стремлением отождествить Ленина и Сталина ("Сталин — самый верный ученик и наследник Ленина"...). Мы все еще очень мало знаем о системе управленческой деятельности и связанных с ней отношений в личном окружении и аппарате Сталина, чтобы предлагать тему о нем как о властителе (генсеке и царе). Поэтому придется ограничиться характеристикой сталинизма как системы власти и ее роли в эволюции советского общества. Включенная в программу тема "От номенклатуры к олигархии. Функционально-социальная группа на пути к сословию" позволяет проследить эволюцию сталинской системы властвования посредственности, действие и последствия закона снижающегося уровня этой посредственности. Конечным результатом развития такой системы является неизбежный переход от власти партии, осуществляющей определенную, известную обществу программу, к "партии власти", назначение которой состоит в обеспечении ее сохранности независимо от осуществления представленной программы.